Vengeance

A DARK ROMANCE

ЛИРИЕН КЕЙЛ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Лириен Кейл
Vengeance
Серия «Реквием для двоих», книга 1

https://litres.ru/74655743
SelfPub; 2026

Аннотация

Он ненавидел меня первым.

Он полюбил меня первым.

А потом его любовь стала страшнее ненависти.

После смерти матери Риа получает новую семью.

Николь становится ее мачехой.

Джейсон — сводным братом.

С первого дня он делает все, чтобы превратить ее жизнь в ад.

Годы проходят.

Ненависть меняется.

Жестокость становится одержимостью.

А одержимость — любовью, которой они оба не должны позволять случиться.

Одна тайна связана со смертью матери Рии.

Когда правда выходит наружу, любовь оказывается предательством.

Риа исчезает.

Она думает, что наконец сбежала от него.

Джейсон думает иначе.

Потому что некоторые истории любви заканчиваются расставанием.

А некоторые — местью.

Содержание

О серии «Реквием для двоих» 6
Авторское предупреждение 8
Предупреждение о триггерах 10
Клетку тебе строила моя мать, но ключ теперь есть только у меня 13
Посвящение 14
Пролог 16
Глава 1 17
Глава 2 28
Глава 3 37
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Лириен Кейл
Vengeance

О серии «Реквием для двоих»

«Vengeance» — первая книга серии «Реквием для двоих». Ее можно читать как самостоятельный роман.

«Реквием для двоих» — серия темных историй о людях, переживших насилие, предательство и потери, о последствиях, которые невозможно оставить в прошлом, и о попытках жить дальше, когда пережитое продолжает менять тебя изнутри.

Реквием — это прощание и память об утраченном.

Но иногда мы оплакиваем не только тех, кого больше нет рядом, но и самих себя — прежних, еще способных доверять, чувствовать себя в безопасности и верить, что любовь не причинит боли. После некоторых событий приходится заново знакомиться с собственным отражением и решать, кем ты станешь теперь.

«Для двоих» — потому что даже самая личная боль редко принадлежит только одному человеку. Судьбы переплетаются, поступки оставляют следы, а чужая трагедия может стать началом чьей-то собственной.

В **«Vengeance»**история Рии Нокс и Джейсона Уитмора разворачивается вокруг мести, запретной любви, семейных тайн и одержимости, которая способна оказаться страшнее ненависти. Но их история затрагивает и Грир Борегар — свидетельницу событий, последствия которых не заканчивают-

ся вместе с чужой местью.

«Little Death»— вторая книга серии, посвященная Грир и ее собственной истории. Здесь другие герои, другая любовь и другой путь сквозь темноту, но события «Vengeance» остаются частью общего прошлого. То, что в первой книге было лишь фрагментом чужой судьбы, во второй приобретает новое значение.

Эти романы можно читать по отдельности, однако вместе они раскрывают больше: как одно событие отзывается в нескольких жизнях, как пережитое меняет людей и почему спасение одного человека не всегда означает, что остальные тоже смогут выбраться из темноты.

Авторское предупреждение

Дорогой читатель, прежде чем ты начнешь «Vengeance», я хочу предупредить тебя о темах, которые встретятся на страницах этой книги.

Это темный роман для взрослой аудитории, затрагивающий тяжелые темы сексуального и физического насилия, психологических травм, принуждения и разрушительных отношений. Некоторые сцены могут вызвать сильную эмоциональную реакцию, особенно у читателей, чей личный опыт соприкасается с описанными событиями.

Поступки персонажей не всегда будут оправданными, их отношения не станут примером здоровой любви, а сильные чувства не отменят последствий причиненной боли. Эта история исследует темные стороны человеческой привязанности, одержимости и мести, не обещая, что любовь способна исправить все или сделать пережитое менее страшным.

Ниже приведен список основных триггеров. Пожалуйста, ознакомься с ним перед чтением и ориентируйся на собственное эмоциональное состояние. Ты не обязан проходить через неприятные переживания ради книги и всегда можешь остановиться, если почувствуешь, что чтение становится для тебя слишком тяжелым.

Список предупреждений не является исчерпывающим: в тексте могут встречаться сцены и подробности, кото-

рые не перечислены отдельно.

Предупреждение о триггерах

Возрастное ограничение: 18+

Сексуальное насилие и сексуальные темы

Даб-кон и сомнительное согласие.

Сексуальное насилие и сексуальное принуждение.

Сексуальные действия без согласия.

Принуждение к обнажению и молчанию.

Графические сексуальные сцены.

Властная сексуальная динамика.

Анальные практики.

Игры с дыханием, ножами, оружием и спермой.

Физическое насилие и жестокое обращение

Систематические избиения.

Физическое, психологическое и эмоциональное насилие.

Физические и психологические пытки.

Манипуляции, газлайтинг, унижение, угрозы и оскорбления.

Принуждение, изоляция и повторяющееся причинение вреда.

Электрошок и сенсорная депривация.

Ломание костей, ожоги, увечья и тяжелые травмы.

Кровь, шрамы и шокирующие сцены.

Психологические темы

Детская и психологическая травма.

Комплексное посттравматическое стрессовое расстройство (К-ПТСР).

Флэшбэки и травматические воспоминания.

Психические расстройства и психологический срыв.

Суицидальные мысли и попытка самоубийства.

Самоповреждение.

Психологическое подавление и разрушение личности.

Эксплуатация фобий.

Аддиктивное поведение.

Нарциссизм и притворная доброта.

Ревность, одержимость и токсичные отношения.

Смерть и угроза жизни

Убийство и смерть.

Фантазии об убийстве.

Использование оружия.

Угрозы жизни и тяжелые травмы.

Другие тяжелые темы

Семейное насилие.

Семейные тайны, измены и предательство.

Месть и преследование.

Запретные и разрушительные отношения

Пожалуйста, береги себя и помни: предупреждения нужны не для того, чтобы напугать тебя или отговорить от чтения, а для того, чтобы ты мог заранее решить, готов ли к этой истории.

Клетку тебе строила моя мать, но ключ теперь есть только у меня

Посвящение

Despite

Несмотря

Of the killing delight

На убийственное наслаждение,

I'm facing your love

Я нахожу твою любовь

Pretty and dangerous

Милой и опасной.

Besides

Кроме того,

Playing it right

Играя свою роль,

You keep me alive

Ты не даешь мне погибнуть

Having your vengeance

Благодаря своей мести.

Ocean Jet — Vengeance

Пролог

Я стою в тени и смотрю, как она спит. Желтые волосы разметались на подушке, одеяло упало, а одна из ее грудей выпала из майки. Маленький розовый сосочек встал, приветствуя меня, я ухмыляюсь.

Решила, что, сбежав из нашей семьи, она сбежала и от меня.

Такая наивная маленькая девочка.

Я нашел ее даже в другом штате, несмотря на смену имени и фамилии. И более того, я стал ее арендодателем, но она не знает этого, так как я нанял риелтора.

Я смотрю на нее, член болезненно давит на ширинку, и делаю глубокий вдох. Расстегнув ширинку, я достаю член и начинаю дрочить, глядя на ее спокойное лицо и сосок. Закрыв глаза, я вспоминаю ее вкус на моем языке и начинаю дрочить еще быстрее. Кончив в ладонь, нахожу салфетки на ее туалетном столике и вытираю руку, выкидываю салфетку в мусорку. Беру ее фотографию в рамке, где она маленькая, обнимается со своими родителями. Ставлю на место, но не ровно так, как она стояла до этого. Бросаю взгляд на мою обсессию и выхожу из ее квартиры.

Глава 1

Лиля — наши дни

Каждую ночь кто-то приходит ко мне. Я знаю это, потому что он двигает фотографию на столике, и меня не покидает стойкое ощущение чужого присутствия в квартире.

Это снимок моих родителей — единственный, где есть мама. С тех пор как я съехала от них в другой штат, я не возвращалась туда уже лет пять или около того. Отец женился на своей секретарше спустя полгода после смерти мамы. Естественно, как в дешевых сказках, она оказалась злой мачехой. Но я не принцесса, и мы не были в сказке. Я оказалась с садисткой, которая на людях играла роль заботливой святоши, но стоило закрыться дверям, пускала в ход кулаки.

Ванная встречает меня холодным кафелем и запахом бергамота. Я включаю свет, люминесцентная лампа мигает, прежде чем разгореться полным светом, и в зеркале появляется мое отражение.

Я открываю аптечку, достаю хлоргексидин и ватные диски. Наклоняюсь ближе к зеркалу, чтобы рассмотреть пирсинг. Лабрет в нижней губе чуть припух, медуза над верхней губой поблескивает серебряным металлом. Аккуратно смачиваю диск и прижимаю к каждому проколу по очереди, и морщусь от того, что щиплет.

Затем я обрабатываю укусы Георгина, два симметричных

прокола с каждой стороны уголков губ. Обрабатываю их с особой тщательностью, кожа вокруг нежная, легко раздражается. Иронично, что я сделала их, но так и не стала повторно прокалывать уши.

Пальцы сами скользят вверх, к мочкам ушей. Подушечками я провожу по грубым, неровным шрамам, где когда-то были проколы и я носила красивые серьги. Кожа на ощупь другая, более плотная и словно… чужая. На глаза наворачиваются слезы. Я быстро-быстро моргаю, но одна все равно скатывается по щеке, оставляя мокрый след. Закрыв глаза, я снова вижу тот чудовищный момент, глотаю подступающий к горлу ком, выдыхаю через нос.

Закончив с пирсингом, я выкидываю ватные диски в мусорку, закрываю аптечку, мою руки и вытираю полотенцем. В зеркале на меня смотрит все та же голубоглазая девушка с глазами, которые я сегодня еще не успела спрятать за линзы.

Сажусь перед трюмо, беру расческу и начинаю распутывать длинные волосы. Желтые локоны большими волнами падают на плечи и спину. Я заплетаю высокий хвост, наношу легкий макияж, смотрю на свои родные голубые глаза и надеваю зеленые линзы.

Я смотрю на фотографию, которая стоит на пару сантиметров от того места, где я оставила ее вчера. Это особенно заметно, когда столик слишком мал, чтобы не заметить такую разницу.

— А это еще что такое? — шепчу я, переводя взгляд на

мусорное ведро. В нем валяется использованная салфетка, ее не было вчера. Откуда она там взялась? — Вот же херня.

Я продолжаю смотреть на нее с подозрением, потом снова на фотографию. Тело покрывается мурашками. Либо я схожу с ума, либо *я схожу с ума*. Других вариантов у меня нет.

Сделав глубокий вдох, я поднимаюсь, иду к шкафу и выбираю белое худи и черные джинсы. Быстро одеваюсь, нахожу телефон под подушкой и открываю приложение погоды. Поморщив нос, убираю его в карман. Натягиваю ботинки, бомбер, перекидываю через плечо рюкзак и выхожу, плотно закрыв за собой дверь.

На улице погода встречает меня ледяным воздухом. Он мгновенно пробирается под капюшон, обжигает щеки и заставляет глубже спрятать руки в карманы.

На улице меня встречает сырой ноябрьский холод. Ветер пробирается под капюшон, обжигает щеки и заставляет глубже прятать руки в карманы.

Детройт почти утратил последние краски осени. Деревья стоят голые, мокрые листья прилипают к асфальту, а низкие свинцовые облака затягивают небо над городом. С реки тянет пронизывающим ветром, который гонит по тротуарам обрывки листвы и мелкую морось. Прохожие кутаются в пальто, втягивают головы в поднятые воротники и ускоряют шаг, стараясь поскорее добраться до тепла.

Я втягиваю воздух, но тут же жалею об этом, когда холод забирается глубоко в грудь, оставляя после себя неприятное

жжение. В Детройте ноябрь не нуждается в предупреждениях. Достаточно однажды утром выйти из дома, чтобы понять: осень закончилась, даже если календарь еще не готов с этим согласиться.

Телефон в кармане вибрирует, я достаю его и смотрю на экран. Отец. Я закатываю глаза, сбрасываю вызов и иду дальше. Сколько бы я ни меняла номер, этот ублюдок постоянно находит меня. Я снова достаю телефон и пишу ему короткое смс: «Иди нахуй, папочка».

Наконец я дохожу до университета. В этом году я наконец-то его заканчиваю. Захожу внутрь на первую пару по психологии, занимаю место в аудитории, роюсь в рюкзаке, нахожу скрепку и с ее помощью вытаскиваю симку из телефона.

Ко мне подсаживается Грир — моя единственная подруга в этом городе. Она обнимает меня и целует в щеку.

— Что такое? Снова он тебя нашел? — спрашивает она, и в ее голосе звучит искренняя тревога.

— Да, — бормочу я. — Черт возьми, Грир, может, мне инсценировать свою смерть?

— Не сработает, — фыркает она. — Он тебя даже из-под земли достанет. А если это будет лишь инсценировка, он поймет это, когда не найдет твоего тела там.

Я горько усмехаюсь и ломаю симку пополам.

Честно говоря, я поступила на факультет психологии, чтобы понять себя. Что со мной не так и как с этим справиться.

По учебникам это называется комплексное ПТСР. Но, судя по всему, я зря потратила пять лет: я так и не нашла главу о том, как вылечить саму себя. Проклятье. Грир что-то быстро тараторит, но я слушаю ее вполуха, повернувшись к ней с пустым взглядом. Она замолкает.

— Сегодня мы идем в клуб. Никаких отговорок, — настаивает она. Я лишь закатываю глаза и молча киваю.

Грир красива и грациозна, как кошка. И характер у нее кошачий: либо ласковая, либо царапается и кусается. Но со мной она всегда что-то среднее. Зеленые глаза, светло-русые волосы до плеч, волнами падающие на лицо, и челка-шторка, красиво подчеркивающая скулы. Когда она улыбается, виднеется пирсинг «смайл». Маленькое колечко, которое привлекает все внимание к ее улыбке. Она выглядит завораживающе. Мы ровесницы, нам обеим по двадцать пять, но дружим мы всего три года. До нее я всегда была одна и не подпускала к себе никого, боясь, что отец может нанять кого-то, чтобы попытаться меня достать.

Конечно, я очень долго не доверяла Грир, но в какой-то момент я решила пустить все к чертям. Если отец хочет достать меня через нее, значит, я позволю. Но мои опасения оказались напрасными. Я была благодарна судьбе — или кому-то еще — за то, что она у меня есть.

Лекция заканчивается, и мы отправляемся на обед в кафе напротив университета. Грир заказывает нам круассаны с красной рыбой и латте, пока я занимаю столик у окна в углу.

Я бросаю беглый взгляд на улицу и замираю.

На тротуаре стоит курящий парень. Он смотрит прямо на меня. Мое тело мгновенно покрывается мурашками, я нервно сглатываю.

Это не может быть он.

Правда же?

Адреналин бьет в голову, как тяжелая пощечина мачехи. Я всматриваюсь в парня. Высокий, под метр девяносто. Острые скулы, черные волосы, идеальная стрижка фейд. Вся одежда черная. Я не могу быть уверена, но мое сердце уже колотится где-то в горле. Это не может быть Джейсон. Никто из моей конченой семейки не должен меня найти.

Я отрастила волосы, выкрасила их в желтый (что было адски сложно, учитывая, что до этого они были синими, зелеными, бирюзовыми, красными и черными). Я сменила столько имен и не задерживалась ни в одной квартире больше полугода. На этот раз мой выбор пал на русское *Лиля Данченко*. Раз в год отец все равно каким-то образом находит меня. Хотя чего удивляться, с его деньгами и связями.

— Эй, Лил, тебе приглянулся тот красавчик? — я ошарашено перевожу взгляд на Грир.

— Нет, — в моем голосе звучит явная дрожь. — Он просто напомнил мне *его*.

Мы поворачиваемся в его сторону, но тротуар пуст, он уже исчез.

— Через пару минут принесут наш заказ. Если хочешь,

можем взять его и пойти обратно в универ.

— У меня пропал аппетит.

Я начинаю паниковать, воздух кажется мне слишком густым. Подруга берет мои дрожащие руки и крепко сжимает их, заземляя меня. Из глаз текут слезы, я снова начинаю проваливаться в воспоминания. Стены кафе плывут.

— Тише, девочка, ты в безопасности. Я рядом. Вокруг нас люди, мы в кафе, нам сейчас принесут кофе, — ее голос прорывается сквозь пелену. Она начинает делать демонстративные глубокие вдохи и выдохи. — Смотри на меня. Повторяй за мной. Вдох... и выдох.

Я дышу в такт с ее дыханием, вцепившись в ее зеленые глаза, и начинаю возвращаться в реальность. Как только мое дыхание выравнивается, она печально улыбается.

— Возьмем круассаны и кофе с собой. А тебе я закажу ромашковый чай, иначе твое сердце сейчас выпрыгнет из грудной клетки.

— Спасибо, — шепчу я. Это все, что я способна сейчас из себя выдавить.

Мы забираем заказ и выходим из кафе. Я вдыхаю ледяной воздух, лихорадочно оглядывая улицу, но его больше нигде нет. Я очень надеюсь, что мне показалось. Что этот парень просто похож, а мой мозг накрутил себя до паники.

Я бежала из семьи по многим причинам. Но самая главная из них... мой сводный брат.

Риа —7 лет

Мама держит меня за руку, пока мы идем к машине. В другой руке я несу бумажный пакет с конфетами, которые она разрешила купить за хорошее поведение. Я уже съела две и теперь пытаюсь на ощупь определить, сколько осталось, чтобы понять, хватит ли еще на завтра.

На парковке почти никого нет. Мама торопится, и мне приходится семенить рядом, чтобы не отстать.

Перед нами появляется мужчина.

Он встает прямо на дороге и не дает нам пройти. Я поднимаю голову, разглядывая его небритое лицо, а мама останавливается. Ее пальцы больно сжимают мою ладонь.

— Отдайте сумку.

— Пожалуйста, возьмите все, что вам нужно, — говорит мама.

Она снимает сумку с плеча, и тут мужчина достает пистолет.

Я знаю, что это пистолет. Папа однажды показывал мне похожий в фильме, но там все было не по-настоящему, а этот совсем рядом, и мама почему-то перестает двигаться.

Я прячусь за ее пальто.

— Быстрее! — кричит мужчина.

Мама протягивает ему сумку, а я крепко обхватываю ее ногу. Бумажный пакет мнется у меня в руке, одна конфета падает на асфальт.

— Не трогайте мою дочь, — говорит мама.

Мужчина заглядывает в сумку и снова кричит на нее. Я не

понимаю, зачем он сердится, если мама уже отдает ему все, что он просит.

— Мам, пойдем домой, — шепчу я.

Она оборачивается и приседает передо мной. Убирает волосы с моего лба, хотя они совсем не мешают, и берет меня за щеки.

— Риа, солнышко, стой здесь. Хорошо? Не двигайся.

— А ты куда?

— Я сейчас.

— Мы же домой идем.

— Я знаю, родная.

Мама целует меня в лоб и поднимается. Я хочу снова схватить ее за руку, но она уже отворачивается к мужчине.

— У меня больше ничего нет, — говорит она. — Пожалуйста, отпустите нас.

Он ругается, поднимает пистолет и раздается хлопок.

Я вздрагиваю и роняю пакет.

Мама делает шаг назад, будто кто-то сильно толкает ее в грудь, и падает на асфальт.

— Мамочка?

Она лежит на боку. Я становлюсь на колени рядом, трогаю ее за плечо и заглядываю в лицо.

— Ты упала?

Мама не отвечает.

Я беру ее за руку. Она теплая, совсем как всегда, когда мы возвращаемся домой зимой, и я прижимаюсь к ней щекой.

— Вставай, мам. Тут грязно.

Я тяну ее за пальцы, но она не помогает мне подняться, как делает обычно, когда я устаю идти сама.

Мужчина убегает. Где-то хлопает дверца машины, она громко рычит, но я не смотрю ему вслед.

— Мам, ты меня слышишь?

Я наклоняюсь к ее лицу и заглядываю в открытые глаза. Мне не нравится, как она смотрит, поэтому я осторожно поправляю ей волосы.

— Мамочка, ну пожалуйста. Мы еще конфеты не доели.

Я замечаю на асфальте красное пятно и отодвигаюсь, чтобы случайно не наступить. Но снова придвигаюсь к маме, потому что одной страшно.

— Я больше не буду просить сладкое перед ужином. Честно-честно. Только пойдем домой.

У меня дрожат губы. Я начинаю плакать и не понимаю, почему мама не просыпается, ведь я уже несколько раз ее позвала.

— МАМА!

К нам бегут люди.

Один мужчина опускается рядом с ней, другой достает телефон. Какая-то женщина хватает меня под мышки и пытается оттащить.

— Нет! Отпустите! Я с мамой!

Я извиваюсь, цепляюсь за ее пальто, но женщина прижимает меня к себе. От нее пахнет чужими духами, и я толкаю

ее в грудь, потому что мне нужно к маме, а она почему-то не понимает.

— Она меня ждет! Отпустите!

— Милая, послушай…

— Я не милая! Я Риа! Это моя мама!

Я пытаюсь развернуться у нее на руках. Между чужими плечами еще видно мамино пальто. Кто-то наклоняется над ней, кто-то просит людей отойти, а я все жду, что мама сейчас поднимет голову и позовет меня.

Она ведь обещала, что мы пойдем домой.

Я продолжаю смотреть на нее, пока женщина не отворачивает меня к себе и не прижимает мою голову к своему плечу.

— Мамочка, — всхлипываю я. — Я же здесь.

Глава 2

Лиля — наши дни

Я сижу на полу у панорамного окна съемной квартиры с книгой на коленях и смотрю на огни ночного Детройта. Квартира находится высоко, на одном из верхних этажей современного жилого комплекса. Небольшая, но современная: открытая кухня с черными фасадами, серый диван, темный паркет и высокие окна, за которыми город никогда не погружается в полную темноту. Из мебели только необходимое, никаких фотографий и вещей, к которым я могла бы привязаться, кроме одной, что стоит в спальне.

Все деньги с трастового фонда я перевела на другой счет. Именно так отец нашел меня во второй раз, когда я жила во Франции. После этого пришлось запутать цифровые следы, чтобы больше ничто не привело его ко мне.

После Франции я успела сменить несколько стран, прежде чем переехать в Детройт. До диплома осталось совсем немного, и я больше не вижу смысла бежать дальше. Теперь я просто стараюсь делать все возможное, чтобы отец перестал мне звонить.

После занятий мы с Грир пошли за новой сим-картой. Она попросила свою хорошую знакомую оформить ее на свое имя. Мне чертовски стыдно, что я вовлекаю в свои проблемы столько людей, но, хоть я и повзрослела, мне все еще страш-

но.

Конечно, имея деньги на счете, не стоит их так растрачивать. Но большую часть я отдаю за квартиру, которую успела полюбить.

Взглянув на время, встаю с пола и иду собираться в клуб. Идея, честно говоря, так себе — на улице холодно, а в клубе будет жарко, и я никак не могу понять, как одеться. Рисую острые стрелки, крашу губы коричневой помадой, наношу тональный крем и консилер.

Я одеваюсь долго, хотя могла бы и быстрее. Стою перед зеркалом в одном белье и разглядываю себя — худую, с торчащими ключицами и шрамами на мочках ушей, которые я так и не научилась прятать.

Поразмыслив, надеваю черные колготки шестьдесят ден, чтобы ветер не кусал ноги. Короткое черное платье с длинным рукавом, которое обтягивает фигуру. Ткань плотная, чуть блестящая, на свету переливается темно-серым. Сзади небольшой разрез, который я замечаю только когда поворачиваюсь, и легкая молния вдоль позвоночника.

Черные ботинки на высокой платформе со шнуровкой до самого верха. В них я становлюсь почти под метр семьдесят, и это меня устраивает. На шее тонкая серебряная цепочка, которую я не снимаю уже третий год. На пальцах два кольца: одно на указательном, другое на среднем, оба куплены в каком-то ломбарде во Флориде за десять долларов.

Макияж все тот же. Зеленые линзы сидят на месте, и в

зеркале на меня смотрит совершенно другая девочка. Желтые волосы снова собраны в высокий хвост, несколько прядей выбиваются и падают на лицо. Я оставляю их специально — так лицо кажется менее правильным, менее «принцессовым».

Сверху надеваю длинное черное шерстяное пальто с поясом до щиколотки. Оно идеально подходит для моего роста и скрывает все, что я не хочу показывать миру. В один карман кладу телефон, в другой — ключи и помаду, и вызываю такси.

Выхожу из квартиры, проверяю, закрыта ли дверь. В лифте поправляю хвост и смотрю на свое отражение в зеркале. *Все в порядке.* Я выгляжу как девушка, у которой все в порядке.

Уведомление об ожидании машины приходит, пока я спускаюсь в лифте. Сажусь на заднее сиденье, надеваю наушники. Сейчас я точно не хочу разговаривать о жизни с таксистом. Включаю трек «Daddy Issues» The Neighbourhood и наслаждаюсь поездкой. Раньше он действительно заставлял меня плакать, но сейчас я смотрю сквозь призму ностальгии на эти по-настоящему хуевые годы. Больше он мне боль не причиняет. Спустя еще пару треков мы подъезжаем к клубу «Обливион». Я выхожу из машины и пишу Грир.

Я: Я у входа

Грир: Буду через минуту.

Машина подъезжает, и Грир выходит из такси в своем ти-

пичном стиле, так, чтобы все вокруг поняли: она здесь не случайно. На ней черная кожаная мини-юбка с высокой талией и облегающий топ-корсет того же цвета, с тонкими бретельками и небольшим вырезом на спине, если я правильно его запомнила. Сверху расстегнутое пальто красного цвета. На ногах черные колготки в сетку и тяжелые ботинки на толстой подошве, такие же, как у меня, только чуть выше.

Волосы она уложила в идеальные волны до плеч, челка-шторка аккуратно обрамляет лицо. Макияж — смоки с легким бронзовым отливом, ресницы густые, на губах прозрачный блеск, который ловит свет каждый раз, когда она улыбается. И это маленькое золотое колечко под верхней губой поблескивает, стоит ей только рот открыть.

На шее тонкая цепочка с маленькой подвеской в виде кинжала, на запястьях несколько тонких браслетов, которые тихо позвякивают, когда она машет руками. В ушах множество сережек: пара колец разного диаметра, пирсинг хряща и еще что-то маленькое и блестящее, что я каждый раз забываю рассмотреть как следует.

Она выглядит так, будто только что сошла со страниц журнала, и при этом ей абсолютно плевать, смотрят на нее или нет. Это в ней и есть — эта легкая, почти ленивая уверенность, которой у меня никогда не будет.

— Ну что, идем? — она подхватывает меня под руку и тащит ко входу, пока я стою и разглядываю ее в очередной раз.

— Ты выглядишь как грех, — говорю я.

— Знаю, — смеется она. — Поэтому ты меня и любишь.

Мы заходим вне очереди. Грир что-то шепчет охраннику на входе, и он отступает, пропуская нас. Внутри стена звука, басы бьют в грудь, а свет режет глаза: красные, синие, белые, желтые вспышки сменяют друг друга так быстро, что голова идет кругом. Тела сливаются в одно целое на танцполе, воздух густой от духов и пота.

Грир хватает меня за руку и тащит к бару. Мы протискиваемся сквозь толпу, кто-то толкает меня в плечо, я огрызаюсь, но меня уже не слышат. Бармен даже не смотрит в нашу сторону, пока Грир не кладет ладонь на стойку и не кашляет демонстративно. Он поднимает глаза, усмехается и наконец соизволяет принять заказ.

— Два «Космополитена», — кричит она ему в ухо.

Мы ждем, прижавшись к стойке спинами. Я оглядываюсь: клуб забит под завязку. Девушки в блестящих платьях, парни в расстегнутых рубашках, все смеются, все пьют, все танцуют. Бармен ставит перед нами два бокала с розовой жидкостью. Я делаю первый глоток, и сладкий с кислинкой алкоголь обжигает горло и разливается теплом по животу.

— Посмотри, — Грир толкает меня локтем и кивает в сторону танцпола. — Тот красавчик пялится на тебя с тех пор, как мы сюда зашли. Только резко не поворачивайся.

Конечно же, я делаю ровно обратное и, как только услышала, сразу обернулась. Высокий, в черной рубашке с рас-

стегнутыми верхними пуговицами, стоит у колонны и смотрит прямо на меня. Наши взгляды встречаются, но он даже не пытается отвести глаза, наоборот, чуть приподнимает бровь и усмехается.

За что мне тут же прилетает тяжелый шлепок по ляжке.

— Ау, черт. — Морщусь я и тру место, куда она меня ударила. — Какого черта?

— Я просила тебя не смотреть на него сразу, а ты что сделала? — она пыхтит от возмущения.

— Ровно наоборот, — смеюсь я и подмигиваю ей.

— Ты неисправима.

Мы допиваем коктейли и заказываем еще, в этот раз уже покрепче. Бармен ставит перед нами два бокала с темной, почти черной жидкостью и плотной кремовой пенкой сверху.

— Два эспрессо-мартини, — кричит Грир.

— Ты уверена? — спрашиваю я, глядя на обманчиво десертный вид напитка.

— Абсолютно, — Грир уже поднимает бокал. — За то, чтобы сегодня забыть все.

— За это, — соглашаюсь я и чокаюсь с ней.

Первый глоток сладкий, с горчинкой жареного кофе и ванили, алкоголь мягко обволакивает горло. Второй еще легче. Третий, и я уже не чувствую вкуса, только резкий прилив энергии, который тут же сменяется тяжелой волной опьянения. Кофеин и водка — смертельная комбинация, когда

пьешь редко.

— Пошли танцевать, — Грир хватает меня за руку и тащит в толпу.

Музыка меняется, и теперь это что-то тяжелое, с глубоким басом и рваным ритмом. Тела вокруг двигаются синхронно, и мы вписываемся в этот поток. Грир сразу теряет меня из виду — она где-то рядом, я вижу ее волосы, ее руки, но между нами постоянно кто-то проходит.

Я танцую, закрыв глаза. Бедра двигаются сами, плечи качаются в такт, волосы хлещут по спине. Я не думаю ни о чем — ни об отце, ни о квартире, ни о сводном брате-засранце. Только музыка, только алкоголь, только движение, только этот момент.

Когда открываю глаза, он стоит рядом.

Тот самый парень из бара. Он не прикасается ко мне, танцует в полуметре, повторяя мои движения. Я поворачиваюсь — он поворачивается. Я наклоняюсь — он наклоняется. Его черные глаза не отрываются от меня, и в них нет ничего, кроме интереса.

Я бы не сказала, что он в моем вкусе, но он красивый. Высокий, с резкими чертами лица, рукава рубашки закатаны до локтей, на предплечьях татуировки-молнии. Я позволяю ему то, чего не позволила бы на трезвую голову, — знакомство.

Он наконец сокращает расстояние, кладет легко, почти невесомо ладонь мне на талию и притягивает ближе.

И я не отстраняюсь.

— Ты всегда так смотришь на незнакомцев? — спрашивает он, наклоняясь к моему уху, чтобы перекричать музыку.

— Только на тех, кто слишком долго пялится, — отвечаю я, и он смеется.

Рядом Грир танцует с его другом. Он со стрижкой, напоминающей К-поп, волосы у корней темные и переходят в белый к кончикам. Зеленые глаза, вроде бы, пухлые губы, идеальные скулы. Он выглядит как модель с обложки, но двигается слишком аккуратно, слишком правильно. Слишком пресный.

Музыка сменяется, и мы танцуем еще какое-то время. Я не помню, о чем мы говорим — его имя, мое имя, какая-то ерунда про погоду или музыку.

Все плывет, все далеко.

Второй коктейль начинает действовать на меня слишком сильно. Пол под ногами становится мягким, свет размывается в цветные пятна. Я смотрю на подругу, она выглядит точно так же, а может, и хуже. Щеки горят, глаза блестят, и она смеется над чем-то, что ее друг сказал секунду назад.

Я хватаю Грир за талию, ничего не объясняя парням, и тащу к барной стойке. Мы обе вспотели от танцев, волосы прилипли к вискам.

— Такси, — говорю я, доставая телефон. Захожу в приложение «Убера», все перед глазами плывет, а буквы расплываются. Прищуриваюсь, тыкаю пальцем в экран, вызываю такси на свой адрес. Сейчас не время разделять нас, да

и мы в целом не в том состоянии.

Парни подходят, спрашивают, все ли с нами в порядке. Я бросаю короткое «да», беру подругу за руку, и веду к выходу. Грир спотыкается на ровном месте, я ловлю ее за локоть.

— Ты в порядке?

— Абсолютно, — бормочет она и икает.

Мы протискиваемся к выходу, и холодный воздух ноября бьет в лицо, как только двери открываются. Я вздрагиваю и натягиваю пальто плотнее. Грир делает то же самое, но у нее пальто короче, и ветер сразу забирается под ткань.

Подойдя к охране, прошу проверить, правильно ли я набрала адрес, ссылаясь на то, что мы с подругой сильно напились и я плохо соображаю, а перед глазами все плывет. Один из охранников смотрит на нас с отвращением, но другой — с пониманием и легким сочувствием. Я называю ему свой полный адрес, еле выговаривая слова. Он сверяет с приложением.

— Все верно, мисс. Вам нужна помощь?

— Нет, спасибо, дальше мы сами, — бормочу я, но, кажется, не особо внятно.

Я беру Грир под руку, и тут к нам присоединяются те самые парни.

Глава 3

Грир

Мой мир сужается до звука рвущейся ткани и собственного хриплого дыхания. Мне заткнули рот, но крик застрял в горле, превратившись в стеклянную крошку. Я смотрю на Лилю. Она лежит на полу, а я не могу двинуться. Я считаю цвета, мебель, что угодно, лишь бы не смотреть на нее еще раз. Потому что если я посмотрю, мой разум просто расколется надвое.

— Твоя подруга слишком громкая, — раздается скучающий голос.

Удар.

Вспышка боли в ребре. Я чувствую, когда меня отрывают от пола, как куклу, у которой выдернули нитки. Я не чувствую тела. Я парю под потолком и смотрю вниз, на двух девушек на полу, и молюсь только об одном: пусть Рия уже умрет. *Пожалуйста*. Пусть она умрет первой, чтобы ей не пришлось видеть то, что они приготовили для меня.

Я пытаюсь сопротивляться, но каждый раз получаю новый удар, от которого перед глазами вспыхивают белые точки.

Темнота.

Я смотрю на свою подругу, связанную и истекающую кровью, и понимаю, что происходит что-то ужасное. Светловосый парень трахает ее в задницу, его член окрашен кровью

и дерьмом, а второй трахает в глотку. Она блюет, но его это не останавливает, рвота вытекает из носа вместе с соплями, а волосы из желтого окрасились в багрово-красный. Она в сознании и в ужасе.

Я пытаюсь дернуться, закричать, позвать кого-нибудь, но тело меня не слушается. я смотрю на это и плачу без остановки, но ничего не могу сделать. Я тоже связана по рукам и ногам, а рот стянут какой-то тряпкой. Сопли, слезы и слюни стекают по моему подбородку, я падаю на колени с кресла и рассекаю бровь. Кровь моментально заливает глаз. Я кричу, но нас никто не слышит.

Блядь нас *никто*не слышит.

В голове шумит, перед глазами все плывет, а единственное, о ком я могу думать, — Лил.

Она рядом.

Дальше все превращается в обрывки воспоминаний, которые я еще долго буду пытаться стереть из головы: чужие руки, крики Лил, кровь, удары, ее сорванный голос и смех людей, которые делают это с нами, будто для них происходящее не имеет никакого значения.

Как мы оказались здесь, в квартире Лил? Кто их позвал? Почему они насилуют ее? Что произошло, блядь? Я смотрю на них троих, и меня пробирает первобытный ужас. Представляю на месте Лил себя, и я умираю.

Я.

Умираю.

В момет.

Когда.

Представляю.

Себя.

На месте.

Подруги.

Которую.

Насилуют.

Еще более ужасно осознавать, что происходит с моим мозгом из-за ебучих лекций мистера Харпера.

Я умерла и стала наблюдателем.

— Ты слишком много теряешь, трахая ее задницу. Ее пирсинг на губе дает невероятное ощущение, — почти стонет от удовольствия он. — Я еле сдерживаюсь, чтобы не кончить.

В этот момент парень ударяет Лил в живот, и она прикусывает член другого парня, от чего тот бьет ее кулаком по голове и вытаскивает член из ее рта в крови, рвоте и в остальных жидкостях. Парень, что трахает ее в зад, рассмеялся, обращаясь ко второму.

— Что, неженка, тебе больно? – продолжает смеяться он и все еще трахает Лил в задницу.

— Кретин, ты все мне испортил! — рычит второй, а первый лишь смеется в ответ еще громче.

Он делает несколько сильных толчков и кончает в нее, хватает ее за волосы, все ее лицо тоже заливает кровь, смешиваясь со слезами.

— Твоя попка, киска и ротик были такими славными, что у нас не осталось сил на твою подружку, — злорадствует он ей на ухо и ударяет ее в живот еще раз. — Ей повезло больше, чем тебе.

Я рыдаю и молюсь, чтобы они убрались из квартиры. Я кричу, рычу, визжу, но это все так же бесполезно. Тот, кому Лил прокусила член, подошел ко мне, схватил за волосы и несколько раз ударил меня головой об пол, а затем ударил в солнечное сплетение, от чего я увидела звезды и перестала дышать.

— На память, — с ядовитой нежностью шепчет он мне на ухо.

Второй развязывает мне руки, снова хватает меня за волосы и ударяет в лицо кулаком, сломав мне нос. Оба смеются и уходят.

Я судорожно развязываю себе рот, это оказался галстук, и ползу к Лил. Голова кружится, ноги все еще связаны, я еле дышу после удара в живот.

— Девочка! — кричу я хриплым и сорванным голосом. — Ответь мне, девочка, черт, Риа, ответь!

Она не отвечает.

Я развязываю ноги и подползаю к кровати уже на четвереньках. Она лежит без сознания, в рвоте, крови, слезах, дерьме и соплях, и я на несколько секунд просто замираю, потому что не понимаю, жива ли она. У нее жалкий вид, наверняка у меня такой же.

Затем я слышу слабое, хриплое дыхание. *Она жива.* Этого достаточно, чтобы я снова начала двигаться. Я ползу по комнате в поисках наших телефонов, судорожно перебирая разбросанные вещи, пока не замечаю собственную сумку у ножки стола. Руки дрожат так сильно, что я не сразу справляюсь с застежкой.

Я дергаю молнию, рву заклепки, пытаясь добраться до телефона, и в какой-то момент понимаю, что сил больше нет. Последнее, что я успеваю увидеть перед тем, как все темнеет, — рыдающая Лил на кровати.

***

Джейсон — наши дни

Ебучая упрямая Лиля и Грир.

Да-да, я знаю, на какое имя она сменила свое предыдущее. Я знаю все ее имена. Но в этот раз я потерял бдительность, и она попала в беду. Я смотрю на ее бледное тело в синяках, крови и рвоте. Изо рта начинает вытекать пена. Блять, нет, я не могу ее потерять, только не так. Грир в отключке, но ее состояние лучше, чем Лили, и, честно говоря, лучше бы изнасиловали ее. Вот такой я ублюдок, ну и? Я вызываю скорую и быстро сваливаю из квартиры, пока меня не обнаружили.

***

— Кем вы приходитесь пациентке? — спрашивает меня

женщина за стойкой.

— Я ее брат, — спокойно отвечаю я.

Она опускает взгляд на карту, пробегается глазами по строкам.

— Но здесь никто не указан, — равнодушно произносит медсестра.

Я достаю стодолларовую купюру и кладу ее на стойку, накрываю ладонью и медленно сдвигаю деньги в ее сторону. Медсестра на секунду задерживает взгляд на моей руке, затем забирает купюру и, словно ничего не произошло, кивает в сторону коридора.

— Палата в конце.

Я захожу в палату, где спит моя маленькая проблема, а к ней подключены аппараты. На лбу над левой бровью несколько швов, на щеках синяки, один глаз заплыл, а голова замотана полностью. Я подхожу ближе к койке и смотрю на нее сверху вниз. Такая чертовски красивая даже сейчас. Она, кажется, услышала меня и просыпается, веки с трудом поднимаются, но пульс начинает учащаться.

— А я все ждал, когда же ты меня узнаешь, — говорю я. — Жаль, что наша официальная встреча произошла именно так.

Аппараты начинают пищать слишком часто и громко, оглушая пустую палату, скоро прибегут медсестры.

— Ш-ш-ш, — успокаиваю я ее и беру ее руку в свою. — Нам не нужно привлекать чужое внимание.

Грир

Я просыпаюсь в темноте и слышу навязчивый звук аппаратов, которые бесконечно пикают.

Твою мать.

Я не сразу понимаю, где я нахожусь, и начинаю вспоминать страшные события этой ночи.

Писк аппарата начинает учащаться по мере моего бьющегося сердца, меня начинает тошнить.

«Твою мать», — повторяю я про себя и блюю на пол.

Вот черт.

С трудом нахожу кнопку вызова медсестры и нажимаю ее. Из глаз льются слезы.

Где Лил?

— Где я? — спрашиваю я вбегающую медсестру в палату. — Где моя подруга Лил?

— Вы находитесь в больнице, не волнуйтесь, — лепечет она в ответ.

— Не волнуйтесь, блядь? В смысле, нахуй? Меня избили! Мою подругу избили и изнасиловали! — кричу я на всю больницу.

— Мисс, мы вызвали полицию сразу же, но мы должны перезвонить, как только кто-то из вас придет в сознание и даст показания, — она продолжает говорить ровным тоном.

— Черт возьми, тогда вызывайте их, какого хера вы еще здесь стоите!? — кричу я на медсестру, срывая с пальца эту

херню, которая передает пульс на аппарат. Он бесконечно пищит, а я хочу, чтобы он заткнулся вместе с ней. — Где. Лил?

Я повторяю вопрос уже во второй раз, и на этот раз мой голос срывается на рык. Медсестра отступает на полшага. Я замечаю, что ее профессиональная маска дает трещину. В ее глазах появляется то, что мне нужно: страх.

— Мисс, пожалуйста, успокойтесь, ваши показатели…

— Мне плевать на мои показатели! — Я дергаю рукой, и провод от датчика вылетает из гнезда. Писк становится еще пронзительнее. — Где моя подруга? Где Лил? Отвечайте, блядь, или я сейчас сама пойду ее искать.

Я пытаюсь встать, но ноги не держат, и я падаю обратно на подушку. Голова кружится, в висках стучит, и меня снова начинает тошнить. Медсестра делает шаг ко мне, и я скалюсь на нее, как раненое животное.

— Только тронь меня, и я тебе лицо расцарапаю. Нашла. Подругу. Сейчас.

— Ваша подруга сейчас в соседней палате, но вам к ней нельзя, — наконец произносит девушка.

— Это еще почему? — Я снова взрываюсь, срываюсь и бегу с капельницей в палату к Лил, несмотря на головокружения и тошноту.

Я не ожидала увидеть мужчину, стоящего над ее койкой. А это еще кто? Я вытаскиваю иглу из вены и наставляю на него.

— У меня ВИЧ, отойди от нее иначе я воткну в тебя гребаную иглу. — рычу я, но мужчина лишь рассмеялся.

— Грир, ты такая врушка, — он оборачивается ко мне, и я узнаю в нем того самого парня через дорогу. — Мы оба знаем, что ты чиста. Но я так же горд, что ты защищаешь мою сестренку.

В глотке встает ком, словно в нее запихнули горсть таблеток и я должна проглотить их, не запивая.

— Какого черта? — шепчу я, мой взгляд мечется между Лил и ее… братом?

Она рассказывала мне о сводном брате, сыне ее мачехи, и показывала последнее совместное фото, но он очень изменился. Он… красивый, действительно красивый. Черные волосы подчеркивают его серые глаза, как небо в шторм. Резкая челюсть, пухлые губы, рельефное тело, высокий, он идеален. Я могла бы влюбиться в него с первого взгляда, но в этом плане с Лил нам повезло. Наш вкус совпадает только с вином, но не с парнями. И да, я знаю их историю, она однажды рассказала ее мне, когда мы выпивали вино. Это словно была исповедь, а мое сердце навсегда разбито.

— Проваливай, козел! — кричу я на него и подхожу к подруге, немного шатаясь, но стараясь держаться уверенно. — Лил, детка, как ты?

Она смотрит на меня взглядом, полным боли, сожаления, отчаяния и слез.

— Слезы затекают мне в уши, голова гудит, и меня тош-

нит, — бормочет она, еле проговаривая слова. — А еще тут откуда-то взялся призрак.

— Уйди, — шиплю я на Джейсона. — Все хорошо, детка, сейчас он исчезнет, — и окидываю его взглядом, мечущим молнии.

***

Лиля —настоящее время

— В вашей крови обнаружены следы гамма-гидроксибутирата. Это препарат, который…

— Я знаю, что это, — обрываю я его, и меня снова скручивает. — Это то, чем нас напоили.

— Мисс, вы понимаете, что ГГБ выводятся из организма в течение 12 часов? Если вы обратились позже, мы можем не зафиксировать… — говорит мне полицейский ровным тоном. — Вы принимали что-то?

— Чего? — переспрашиваю я, шокированная тем, что нахожусь в больнице, и головной болью. — У меня болит гребаная задница и ваджайна, а вы спрашиваете, принимала ли я что-то?

— Мисс Данченко, вы помните что-то из прошлой ночи? — начинает заново коп, я закатываю глаза, так что почти вижу череп, и блюю в утку, подготовленную для этого. — Мы уже проверили камеры наблюдения в клубе, но записи оказались недоступны: система видеонаблюдения в ту ночь не

работала, а архив за нужное время был удален. Установить, кто и когда отключил камеры или стер файлы, пока не удалось, как и личности нападавших.

Как только я собираюсь его оттаскать на хуях, я снова блюю. В голове бесконечный звон, а коп и его напарник почти троятся в глазах.

— Я устала, — я снова блюю, — от вас шестерых, — и я снова блюю, но это скорее просто позыв, чем реальная рвота, — вам вообще самим не кажется, что вас ну просто дохера в этой палате? Как вообще можно здесь поместиться такой толпой? — снова болезненный спазм.

— Шестерых? — трое одинаковых смотрят на другого. Все шестеро смешно пялятся друг на друга. Я только начинаю посмеиваться над ними, как снова блюю, и из желудка выходит кровь.

— Вот черт, — срывается с места второй, он явно младшенький и держится не так уверенно, как первый, и бежит за медсестрой.

По какой-то причине я начинаю смеяться над этой ситуацией, сразу три одинаковых человека выбегают из палаты, хотя последний больше похож на призрака. Они снова возвращаются, и с ними еще три медсестры.

— Вы серьезно? Девять человек в палате, выйдете один, — я нервно хихикаю.

— Мисс Данченко, сколько пальцев вы видите? — и медсестра показывает передо мной пальцы.

— Три, — отвечаю я ровно.

— А сейчас? — Она показывает открытую ладонь, три ладони.

— Это прикол какой-то? — ругаюсь я. — Вы показываете мне три развернутых руки и хотите, чтобы я сосчитала столько пальцев? Вас тут девять, хотите, я посчитаю у каждого? — продолжаю язвить я. — Все, я действительно устала.

***

Риа — 8 лет

— Я женюсь на Николь, — внезапно говорит папа в столовой за завтраком, я роняю ложку и удивленно пялюсь на него. Он игнорирует это и продолжает. — Теперь у тебя будет брат, его зовут Джейсон.

— Но, пап, а как же мама? — спрашиваю я, и голос дрожит.

Папа наконец поднимает глаза, его лицо слишком спокойное.

— Мамы с нами нет больше, принцесса, — говорит он ровно. — Нам нужно жить дальше. Твоя мама умерла.

Я смотрю на него и не могу пошевелиться. Я помню похороны. Я помню, как лежала на ее могиле много времени и плакала. Земля была холодная, и этот холод пробирался сквозь одежду. Папа стоял рядом и тихо рыдал. Когда нам пора было уходить, я упиралась ногами в землю и кричала.

Я так сильно хотела остаться с ней.

Теперь папа не выглядит расстроенным. Он допивает кофе и встает из-за стола.

— Мне придется называть ее мамой? — шепчу я и тут же закусываю губу.

— Нет, этого не потребуется, — отвечает он, собирая тарелки. — Называй ее просто по имени.

Он уходит на кухню, и я остаюсь одна за столом. Передо мной стоит тарелка с холодной кашей, я не могу больше есть. Я смотрю на окно, за которым идет дождь. Капли бьются о стекло, я считаю их, чтобы не думать о том, что через месяц в этом доме появится чужая женщина и мальчик, который смотрит на меня так, будто я ему должна.

***

Джейсон — 9 лет

Мать стоит в прихожей и поправляет волосы перед зеркалом. Я сижу на лестнице и листаю комикс. Дверь открывается, и входит мужчина, а рядом с ним девочка.

— Познакомься, это твоя сестренка, — щебечет мать. — Риа.

Я поднимаю глаза и смотрю на нее. Невысокая, худая. Голубые глаза, темно-русые волосы заплетены в высокий хвост. На ней синее платье в горошек и белые балетки. Она стоит, прижавшись к своему папе, и смотрит в пол. Выглядит пе-

чальной и напуганной.

Я не говорю ни слова. Встаю, прохожу мимо нее, даже не кивнув, и выхожу на задний двор. Мать что-то кричит мне вслед, но я не слушаю. Подхожу к бассейну, скидываю футболку и ныряю.

Я плыву к другому краю, выныриваю и хватаюсь за бортик. Услышав шаги за спиной, я оборачиваюсь и вижу ее. Она стоит у края бассейна и смотрит на воду.

— Я не умею плавать, — говорит она тихо, и ее голос дрожит.

Я болтаю ногами в воде и смотрю на нее.

— И что ты хочешь от меня? — спрашиваю я грубо. — Чтобы я тебя пожалел?

Она замирает. В ее глазах появляется страх, но она не убегает. Стоит как дура и пялится на меня.

— Пусть тебя пожалеет твоя мамочка, — говорю я и усмехаюсь. — Ах да, ее же у тебя нет.

Ее лицо меняется. Она не плачет, но ее губы дрожат. Она поворачивается и бежит в дом, и я лишь слышу, как она хлопает дверью.

Я остаюсь один у бассейна и плаваю еще какое-то время в холодной воде.

Через некоторое время я выхож

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.